

УДК 159.96; 159.92

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К ОТВРАЩЕНИЮ

Аркадий Александрович Кудряшов, соискатель, Елена Александровна Рыльская, доктор психологических наук, доцент, Павел Азифович Байгузин, доктор биологических наук, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Аннотация

Введение. Статья представлена научно-теоретическим анализом психологического феномена – чувствительности к отвращению – способности человека различать, воспринимать и реагировать на аффективный стимул неприемлемого содержания. Цель исследования – провести теоретический анализ чувствительности к отвращению в структуре психологической безопасности личности. Аспектный подход к исследованию чувствительности к отвращению позволил проанализировать источники, наиболее полно соответствующие комбинациям ключевых терминов: “sensitivity”, “disgust” и “student” и размещенных на платформах ScienceDirect и PubMed. В соответствии с целью применяли методы исследования: сопоставление, конкретизация, обобщение. Результаты. Показано, что отвращение является значимым индикатором в структуре психологической безопасности личности. Полученные данные позволяют обосновать перспективную теоретическую модель индивидуально-психологических детерминант чувствительности к отвращению. При разработке прогностических моделей проявления чувствительности к отвращению целесообразно учитывать параметры личностной, эмоциональной сферы личности, психических состояний, копинга, а также самоконтроля и саморегуляции.

Ключевые слова: обзор, теоретический анализ, чувствительность, отвращение, студенты, поведенческая, иммунная система.

DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p519-525

RELEVANCE OF AVERSION SENSITIVITY RESEARCH

Arkady Aleksandrovich Kudryashov, the applicant, Elena Aleksandrovna Rylyskaya, the doctor of psychological sciences, docent, Pavel Azifovich Baiguzhin, the doctor of biological sciences, South Ural State University, Chelyabinsk

Abstract

Introduction. A theoretical analysis of sensitivity to disgust is presented – the ability to distinguish, perceive and respond to a disgusting stimulus. The aim is to conduct a theoretical analysis of sensitivity to disgust in the structure of psychological security of the individual. An aspect-based approach to the study of sensitivity to disgust allowed us to analyze articles published in ScienceDirect and PubMed by the keywords: “sensitivity”, “disgust” and “student”. Theoretical research methods were used: comparison, concretization, generalization. Results. Disgust is an indicator in the structure of psychological security of the individual. The obtained data allow us to substantiate a promising theoretical model of individual psychological determinants of sensitivity to disgust. When developing predictive models of the manifestation of sensitivity to disgust, it is necessary to take into account the parameters of the personal, emotional sphere of personality, mental states, coping, self-control and self-regulation.

Keywords: overview, theoretical analysis, sensitivity, aversion, students, behavioral, immune system.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование аффективно-эмоциональной сферы личности целесообразно с учетом ее принадлежности к профессиональной когорте. Известно, что профессии категории «Человек – Человек», предъявляют повышенные требования к эмоциональной сфере, в частности к высоким уровням проявления эмоционального интеллекта как профессионально значимого качества. В частности, профессионал должен контролировать и управлять восприятием, анализировать, например в педагогической ситуации, потенциально индуцирующие как собственные, так и у окружающих, астенические эмоции, в т. ч. отвращение. Так,

спектр специфических ситуаций достаточно широкий: от рядовых учебно-воспитательных (работа с влажными препаратами, препарирование органа или ткани в рамках предмета «Биология»); разрешение проблем, связанных, например, с особыми потребностями обучающихся: языковой барьер, ограниченные возможности здоровья и т. п. до экстраординарных (разбор острых конфликтных ситуаций; оказание первой помощи и т. п.).

Исходя из указанного, актуализируются исследования биопсихосоциальных механизмов индукции аффективных эмоциональных состояний, их роль в формировании психологической защиты личности, а значит – глобальных проблем, среди которых профилактика личностных деформаций, психосоматических заболеваний и виктимности личности.

В основе проявлений негативных эффектов воздействия аффективных стимулов находится соответствующая чувствительность как способность человека различать, воспринимать и реагировать на значимый раздражитель, в частности на аффективный стимул. Одной из частных реакций на аффективное воздействие является формирование и проявление эмоции отвращения. Цель исследования: провести теоретический анализ чувствительности к отвращению в структуре психологической безопасности личности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе теоретического анализа – аспектный подход к исследованию психологического феномена «чувствительность к отвращению». Анализу подверглись источники информации, которые размещены на платформах ScienceDirect, PubMed и наиболее полно соответствуют вариантам ключевых терминов: «disgust», «sensitivity», «student». В соответствии с целью теоретического анализа применяли теоретические методы: сопоставление, конкретизация и обобщение.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В психологической науке представлены результаты многочисленных исследований, раскрывающие содержание феномена «чувствительность» [2, 10]. В исследовании В.А. Tabak с соавторами (2022), выявлены факторы чувствительности к окружающей среде (HSPS), которые в значительной степени связаны с конструкциями межличностной чувствительности: эмпатией, социальной тревожности и социальными когнитивными способностями [10]. В литературе имеются данные о взаимосвязи между особенностями механизмов психологической защиты с формами и вариантами проявления чувствительности молодежи к социальным, природным, культурологическим и самовлияниям [1].

Изначально, чувствительность к отвращению – многофакторный конструкт, активирующийся от угрозы инфекционного заражения. В частности, отвращение запускает в действие психологическую систему для защиты организма от инфекций посредством избегающего болезней поведения – так называемую «поведенческую иммунную систему». Люди демонстрируют различия в избегании патогенов, связанные с психологическими чертами, такими как невротическая личность, а также следствием пребывания в определенных физиологических состояниях, например в период беременности [6, 8].

В теории психопатологии, а именно в когнитивно-поведенческих моделях, отвращение функционирует как негативная эмоциональная реакция на аффективные стимулы, приводящая к компульсивному поведению или избеганию. Очевидным становится, что индивидуумы различаются по степени проявления отвращения и связано это с особенностями их личностной сферы [13, 17]. Так, например, повышению риска контакта с патогенами способствуют открытость опыту, как личностная черта, часто стимулирующая исследовательскую активность; а также экстраверсия и уступчивость, которые повышают вероятность активного социального взаимодействия. Напротив, добросовестность и нейротизм (аккуратность и осторожное поведение), способствуют снижению вероятности контакта с патогенами [13].

Установлено, что в зависимости от степени чувствительности к отвращению у личности модифицируется пищевое [11], гигиеническое [6], сексуальное поведение [7]. Имеются результаты исследования особенностей когнитивных функций в условиях индукции отвращения [9].

Отвращение как основа формирования и реализации «поведенческой иммунной системы», отражает универсальные особенности управления гигиеническим поведением человека в ответ на сигналы риска контакта с патогенами. Тем не менее, отвращение обуславливает вариативность и динамичность, характеризуя «поведенческую иммунную систему» как адаптивную систему. Индивидуальное гигиеническое поведение – результат преимущественно обучения и/или подражания поведенческих актов, снижающих риск заражения патогеном. Групповое гигиеническое поведение – как правило, использование широкого спектра совместных стратегий для уменьшения передачи или вирулентности патогенов, или уничтожения их среды обитания. Такой подход лежит в основе современной системы общественного здравоохранения [6].

В работе Tubur J.M. с соавторами (2009), результаты факторного анализа выявлена совокупность индикаторов отвращения, связанных с патогенами, сексуальностью и моралью. В результате авторы формируют трехдоменную модель отвращения, отражающую избегание патогенов, особенности выбора партнера и социальных взаимодействий [25]. Восстребованным направлением исследований являются те, в которых отвращение рассматривается как основной предиктор поведенческой иммунной системы [3, 19].

«Поведенческая иммунная система» (BIS) представляет собой совокупность психологических процессов (аффективных, когнитивных и поведенческих), которые активируют стратегию избегания контакта даже с потенциальным источником заражения. Как правило, система активируется спектром сенсорных сигналов, указывающих на патогенную угрозу: обонятельные (запах гнили), слуховые (звук рвотного рефлекса), тактильные (ощущение липких субстанций), визуальные (вид раны), вкусовые (кислое молоко) стимулы. Подобная сенсорная информация запускает эмоциональные (в виде отвращения [6]) и когнитивные (память, категоризации [15]) процессы, формирующих т. н. «профилактическое» поведение, в том числе и избегание. Такой механизм снижает вероятность контакта с патогенами и инфекциями, а физиологическая иммунная система на данном этапе остается незадействованной, что обеспечивает сохранность физиологических ресурсов. При этом поведенческая иммунная система рассматривается отдельно от физиологической иммунной системы, но взаимодействуя, дополняет ее [24].

Мы солидарны с позицией авторов, считающими перспективными альтернативные модели исследования поведенческой иммунной системы, в которых интегрируются знания психологии, экологии и культурной эволюции с позиций эпидемиологии и антропологии [6].

С этих позиций, значимы исследования социокультурного аспекта чувствительности к отвращению, которое рассматривается как центральная эмоция человеческой морали [16]. Доказано, что аморальное поведение может вызывать отвращение, направленное на снижение риска возникновения контакта с представителями, демонстрирующими аморальное поведение [12]. Возникает так называемое «межличностное отвращение», которое во избежание социально-морального загрязнения, формирует установление границ межличностного взаимодействия.

В контексте пандемии COVID-19 более высокая чувствительность к отвращению к патогенам предсказывала более низкие суждения о надежности других, предполагается, что даже отвращение, которое не является явно межличностным, может формировать в социуме убеждение в напряженном отношении по отношению к окружающим людям [16] или «социальных инстинктов», выраженных в неприятии или избегании [14].

Объективно, чувствительность к отвращению определяет и влияет на моральные установки, социокультурные ценности и убеждения. Межличностное отвращение и

социально-моральное отвращение обеспечивают защиту и сохранность социального «порядка» и являются исторически сформированными результатами деятельности религиозных и правовых институтов [20].

Метаанализ более 20-ти исследований позволил J.A. Terrizzi с соавторами (2013) заключить, что чувствительность к отвращению, положительно связана с социальным консерватизмом (т. е. правым авторитаризмом, ориентацией на социальное доминирование, религиозным фундаментализмом, этноцентризмом, коллективизмом и политическим консерватизмом). Авторы представляют доказательства того, что социально консервативные ценности могут функционировать как эволюционно вызванные стратегии избегания болезней как следствие чувствительность к отвращению [22].

Установлено, что уровень отвращения зависит от ряда социально-демографических характеристик: пола, возраста, уровня образования, рода занятий и др. К настоящему времени установлено, что женщины демонстрируют более высокую чувствительность к отвращению, чем мужчины [18]. У женщин высокий уровень чувствительности к отвращению влияет на широкий спектр результатов деятельности, включая выбор работы, выбор партнера, отвращение к еде, психологические расстройства и др. [4]. Предполагается, согласно эволюционной метатеории половых различий адаптивного поведения, что женщины и мужчины различаются в тех областях, в которых они периодически сталкивались с различными проблемами (трудностями, экстремальными ситуациями) на протяжении эволюционной истории человечества [5].

Факторы образовательной среды и овладение профессиональными компетенциями влияют на становление трудовых функций время обучения и их реализация в будущей карьере. Например, специфичность практической деятельности студентов-медиков указывает на необходимость использования адаптивных форм обучения. Так, наиболее распространенными симптомами у студентов на занятиях по препарированию были отвращение, страх и тошнота. Основными копинг-стратегиями при прохождении учебного курса диссекции являлись любопытство, предварительная психологическая готовность, давление и помощь со стороны персонала [21].

В другом исследовании регрессионный анализ выявил, что более высокая чувствительность к отвращению предсказывала более низкие намерения хирургической карьеры. Без того низкий интерес женщин к карьере хирурга, перестал быть значимым после того, как в регрессионную модель была включена переменная «чувствительность к отвращению» [26].

Уровень отвращения зависит от профиля образования или рода профессиональной деятельности, поскольку баллы женщин и людей без биологического образования значительно выше, чем у мужчин и биологов соответственно [18].

Показано, что у медицинских работников, которые используют профессиональные знания и приобретенные навыки в рациональной оценке, отвращение как наиболее примитивный компонент поведенческой иммунной системы играет роль в возникновении страха перед COVID-19 [23].

Таким образом, процессы, реализующие адаптивную поведенческую иммунную систему, определяют качество социального познания и социального поведения, в частности – социальной коммуникации: восприятия личности, межгрупповых взаимодействий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что отвращение часто классифицируется как «базовая» эмоция, оно имеет широкий спектр причин возникновения, трактуется множеством конкурирующих функциональных теорий, имеет характерные особенности развития и проявления. С одной стороны, отвращение является значимым индикатором в структуре психологической безопасности личности. С другой стороны, в силу своей специфичности, использование аффективного стимула является относительно менее «травмоопасным» в решении задач

индукции этой эмоции, по сравнению, например, со злостью, страхом, гневом и др. астеническими эмоциями, затрагивающими, как правило, неприятный или деструктивный опыт личности в целом, кардинально влияя на ее психологическую безопасность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скок А.Г. Взаимосвязь чувствительности к влияниям и механизмов психологической защиты у молодежи / А.Г. Скок, И.И. Шлимакова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2018. – № 15. – С. 76–82.
2. Ярмоц Е.В. Гендерные особенности чувствительности / Е. В. Ярмоц // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2020. – Т. 3, № 5. – С. 51–59.
3. Ackerman J.M. The behavioral immune system: Current concerns and future directions / J.M. Ackerman, S.E. Hill, D.R. Murray // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2018. – Vol. 12, № 2. – P. 57–70.
4. Al-Shawaf L. Sex differences in disgust: why are women more easily disgusted than men? / L. Al-Shawaf, D.M.G. Lewis, D.M. Buss // *Emotion Review*. – 2018. – Vol. 10 (2). – P. 149–160.
5. Buss D.M. Psychological sex differences: Origins through sexual selection / D.M. Buss // *American Psychologist*. – 1995. – Vol. 50. – P. 164–168.
6. Curtis V. Disgust as an adaptive system for disease avoidance behavior / V. Curtis, M. de Barra, R. Aunger // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. – 2011. – Vol. 366(1563). – P. 389–401.
7. Disgust and sexual arousal in young adult men and women / A. Grauvogl, P. de Jong, M. Peters et al. // *Archives of Sexual Behavior*. – 2015. – Vol. 44(6). – P. 1515–1525.
8. Disgust sensitivity is negatively associated with immune system activity in early pregnancy: Direct support for the Compensatory Prophylaxis Hypothesis / Š. Kaňková, L. Takács, M. Krulová et al. // *Evolution and Human Behavior*. – 2022. – Vol. 43, Is. 3. – P. 234–241.
9. Emotions in reading: disgust, empathy and the contextual learning hypothesis / C. Silva, M. Montant, A. Ponz, J.C. Ziegler // *Cognition*. – 2012. – Vol. 125(2). – P. 333–338.
10. Environmental sensitivity predicts interpersonal sensitivity above and beyond Big Five personality traits / B.A. Tabak, D. Gupta, C.S. Sunahara et al. // *Journal of Research in Personality*. – 2022. – Vol. 98. – Art. ID 104210.
11. Food-specific inhibitory control mediates the effect of disgust sensitivity on body mass index / X. Liu, J. Li, O. Turel, R. Chen, Q. He // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 10. – Art. numb. 2391.
12. Jones A. Moral hypervigilance: the influence of disgust sensitivity in the moral domain / A. Jones, J. Fitness // *Emotion*. – 2008. – Vol. 8(5). – P. 613–627.
13. Karinen A.K. Cognitive and personality correlates of trait disgust and their relationship to condemnation of nonpurity moral transgressions / A.K. Karinen, H.A. Chapman // *Emotion*. – 2019. – Vol. 19(5). – P. 889–902.
14. Kramer P. Infection threat shapes our social instincts / P. Kramer, P. Bressan // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. – 2021. – Vol. 75(3). – Art. numb. 47.
15. Miller S.L. Sick body, vigilant mind: The biological immune system activates the behavioral immune system / S.L. Miller, J.K. Maner // *Psychological Science*. – 2011. – Vol. 22 (12). – P. 1467–1471.
16. Olivera La R.A. On the relationships between disgust and morality: a critical review / R.A. Olivera La, M.J. Roselló // *Psicothema*. – 2013. – Vol. 25(2). – P. 222–226.
17. Oosterhoff B. Disease avoidance and personality: A meta-analysis / B. Oosterhoff, N.J. Shook, R. Iyer // *Journal of Research in Personality*. – 2018. – Vol. 77. – P. 47–56.
18. Polák J. Undisguised disgust: a psychometric evaluation of a disgust propensity measure / J. Polák, E. Landová, D. Frynta // *Current Psychology*. – 2019. – Vol. 38. – P. 608–617.
19. Rachman S.J. Invited essay: Cognitive influences on the psychological immune system / S.J. Rachman // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. – 2016. – Vol. 53. – P. 2–8.
20. Rozin P. Disgust / P. Rozin, J. Haidt, C.R. McCauley / In M. Lewis, J.M. Haviland (Eds.), *Handbook of emotions*. – New York: Guilford Press, 2000. – P. 637–653.
21. Russa A.D. Inspiring Tanzanian medical students into the profession: appraisal of cadaveric dissection stress and coping strategies / A.D. Russa, L. Mligiliche // *Italian Journal of Anatomy and Embryology*. – 2014. – Vol. 119(3). – P. 268–276.
22. Terrizzi J.A. The behavioral immune system and social conservatism: a meta-analysis / J.A. Terrizzi, N.J. Shook, M.A. McDaniel // *Evolution and Human Behavior*. – 2013. – Vol. 34, is. 2. – P. 99–108.

23. The behavioral immune system in action: Psychological correlates of pathogen disgust sensitivity in healthcare professionals working in a COVID-19 hospital / A. Troisi, D. Di Cave, V. Carola, R.C. Nanni // *Physiology and Behavior*. – 2022. – Vol. 251. – Art. numb. 113821.
24. Troisi A. Fear of Covid-19: Insights from Evolutionary Behavioral Science / A. Troisi // *Clinical Neuropsychiatry*. – 2020. – Vol. 17(2). – P. 72–75.
25. Tybur J.M. Microbes, mating, and morality: individual differences in three functional domains of disgust / J.M. Tybur, D. Lieberman, V. Griskevicius // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2009. – Vol. 97(1). – P. 103–122.
26. Tybur M. Disgust sensitivity and the HEXACO model of personality / J.M. Tybur, R.E. de Vries // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – Vol. 55 (6). – P. 660–665.

REFERENCES

1. Skok, A. and Shlimakova, I. (2018), “He interrelation of youth’s sensitivity to the influence and mechanisms of psychological protection”, *Vestnik of Polotsk State University*. Part E. Pedagogic Sciences, No. 15, pp. 76–82.
2. Yarmots, E.V. (2020) “Gender sensitivity features”, *International Journal of Medicine and Psychology*, Vol. 3 No. 5, pp. 51–59.
3. Ackerman, J.M. Hill, S.E. and Murray D.R. (2018), “The behavioral immune system: Current concerns and future directions”, *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 12 No. 2, pp. 57–70.
4. Al-Shawaf, L., Lewis, D.M.G. and Buss D.M. (2018), “Sex differences in disgust: why are women more easily disgusted than men?”, *Emotion Review*, Vol. 10 No. 2, pp. 149–160.
5. Buss, D.M. (1995), “Psychological sex differences: Origins through sexual selection”, *American Psychologist*, Vol. 50, pp. 164–168.
6. Curtis, V., de Barra, M. and Aunger, R. (2011), “Disgust as an adaptive system for disease avoidance behavior”, *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. Vol. 366, pp. 389–401.
7. Grauvogl, A., de Jong, P., Peters, M., Evers, S., van Overveld, M. and van Lankveld J. (2015), “Disgust and sexual arousal in young adult men and women”, *Archives of Sexual Behavior*, Vol. 44 No. 6, pp. 1515–1525.
8. Kaňková, Š., Takács, L., Krulová, M., Hlaváčová, J., Nouzová, K., Hill, M., Včelák, J. and Monk, C. (2022), “Disgust sensitivity is negatively associated with immune system activity in early pregnancy: Direct support for the Compensatory Prophylaxis Hypothesis”, *Evolution and Human Behavior*, Vol. 43 No. 3, pp. 234–241.
9. Silva, C., Montant, M., Ponz, A. and Ziegler, J.C. (2012), “Emotions in reading: disgust, empathy and the contextual learning hypothesis”, *Cognition*, Vol. 125 No. 2, pp. 333–338.
10. Tabak, B.A., Gupta, D., Sunahara, C.S., Alvi, T., Wallmark, Z., Lee, J., Fulford, D., Hudson, N.W. and Chmielewski, M. (2022), “Environmental sensitivity predicts interpersonal sensitivity above and beyond Big Five personality traits”, *Journal of Research in Personality*. Vol. 98, art. ID 104210.
11. Liu, X., Li, J., Turel, O., Chen, R. and He Q. (2019), “Food-specific inhibitory control mediates the effect of disgust sensitivity on body mass index”, *Frontiers in Psychology*, Vol. 10, art. ID. 2391.
12. Jones, A. and Fitness, J. (2008), “Moral hypervigilance: the influence of disgust sensitivity in the moral domain”, *Emotion*, Vol. 8 No. 5, pp. 613–627.
13. Karinen, A.K. and Chapman, H.A. (2019), “Cognitive and personality correlates of trait disgust and their relationship to condemnation of nonpurity moral transgressions”, *Emotion*, Vol. 19 No. 5, pp. 889–902.
14. Kramer, P. and Bressan, P. (2021), “Infection threat shapes our social instincts”, *Behavioral Ecology and Sociobiology*, Vol. 75 No. 3, art. ID 47.
15. Miller, S.L. and Maner, J.K. (2011), “Sick body, vigilant mind: The biological immune system activates the behavioral immune system”, *Psychological Science*. Vol. 22 No. 12, pp. 1467–1471.
16. Olivera La, R.A. and Roselló M.J. (2013), “On the relationships between disgust and morality: a critical review”, *Psicothema*, Vol. 25 No. 2, pp. 222–226.
17. Oosterhoff, B., Shook, N.J. and Iyer, R. (2018), “Disease avoidance and personality: A meta-analysis”, *Journal of Research in Personality*, Vol. 77, pp. 47–56.
18. Polák, J., Landová, E. and Frynta, D. (2019), “Undisguised disgust: a psychometric evaluation of a disgust propensity measure”, *Current Psychology*, Vol. 38, pp. 608–617.
19. Rachman, S.J. (2016), “Invited essay: Cognitive influences on the psychological immune system”, *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, Vol. 53, pp. 2–8.

20. Rozin, P., Haidt, J. and McCauley, C.R. (2000), “Disgust”, in M. Lewis, J.M. Haviland (Eds.), *Handbook of emotions*, New York, Guilford Press, pp. 637–653.

21. Russa, A.D. and Mligiliche, L. (2014), “Inspiring Tanzanian medical students into the profession: appraisal of cadaveric dissection stress and coping strategies”, *Italian Journal of Anatomy and Embryology*, Vol. 119 No. 3, pp. 268–276.

22. Terrizzi, J.A., Shook, N.J., and McDaniel, M.A. (2013), “The behavioral immune system and social conservatism: a meta-analysis”, *Evolution and Human Behavior*, Vol. 34, No. 2, pp. 99–108.

23. Troisi, A., Di Cave, D., Carola, V. and Nanni, R.C. (2022), “The behavioral immune system in action: Psychological correlates of pathogen disgust sensitivity in healthcare professionals working in a COVID-19 hospital”, *Physiology and Behavior*, Vol. 251, art. ID. 113821.

24. Troisi, A. (2020), “Fear of Covid-19: Insights from Evolutionary Behavioral Science”, *Clinical Neuropsychiatry*, Vol. 17 No. 2, pp. 72–75.

25. Tybur, J.M., Lieberman, D. and Griskevicius, V. (2009), “Microbes, mating, and morality: individual differences in three functional domains of disgust”, *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 97 No. 1, pp. 103–122.

26. Tybur, M. and de Vries, R.E. (2013), “Disgust sensitivity and the HEXACO model of personality”, *Personality and Individual Differences*, Vol. 55 No. 6, pp. 660–665. – DOI: 10.1016/j.paid.2013.05.008.

Контактная информация: baiguzhinpa@susu.ru

Статья поступила в редакцию 19.04.2023

УДК 159.9.072;797.26

ОЦЕНКА ЖЕНСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ИМИДЖА ДЕВУШЕК-СПОРТСМЕНОК (НА ПРИМЕРЕ ПРЫГУНИЙ В ВОДУ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ)

Дарья Павловна Степанова, аспирант, Ольга Николаевна Степанова, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва

Аннотация

Введение. Спорт высших достижений оказывает существенное влияние на гендерную идентификацию девушек. Нередки случаи, когда спортсменки демонстрируют за пределами спортивной арены маскулинные черты характера, внешности и социального поведения, что негативно сказывается на их публичном имидже и, как следствие, жизни вне спорта. В этой связи, отслеживание гендерных деформаций публичного имиджа и их своевременная коррекция становятся важной задачей спортивной науки и практики. Методы и материалы исследования. Выборка исследования – 17 прыгуний в воду высокой квалификации 15–18 лет. На первом этапе проведена экспертная оценка женственности публичного имиджа спортсменок по методике Д.П. Степановой и О.Н. Степановой. На втором этапе результаты экспертной оценки были обработаны методом средних величин, проранжированы и проанализированы. Третий этап был посвящён разработке рекомендаций по коррекции гендерной составляющей публичного имиджа обследованных. Результаты исследования и их обсуждение. Эксперты констатировали отсутствие признаков излишней маскулинизации в проявлении габитарного, кинетического и коммуникативного компонентов имиджа. У некоторых прыгуний в воду были обнаружены заметные «пробелы» в речевой (недостаточно дружелюбный тон речи, резкая манера общения, наличие слов-паразитов, жаргонизмов, ненормативной лексики) и кинетической (нарушения осанки, сутулость) составляющих имиджа. Ряду спортсменок были высказаны нарекания по поводу ухода за ногтями и волосами, выбранного стиля одежды, обуви и аксессуаров. Заключение. Разработана система рекомендаций по коррекции гендерной составляющей публичного имиджа прыгуний в воду высокой квалификации, предусматривающая: работу с психологом; организацию мастер-классов, тренингов и конкурсов по созданию женственного образа; увеличение количества часов занятий хореографией, включение в тренировочный процесс упражнений из арсенала классического балета, художественной и эстетической гимнастики, направленных на формирование правильной осанки, женственных поз, движений, походки; посещение открытых лекций о